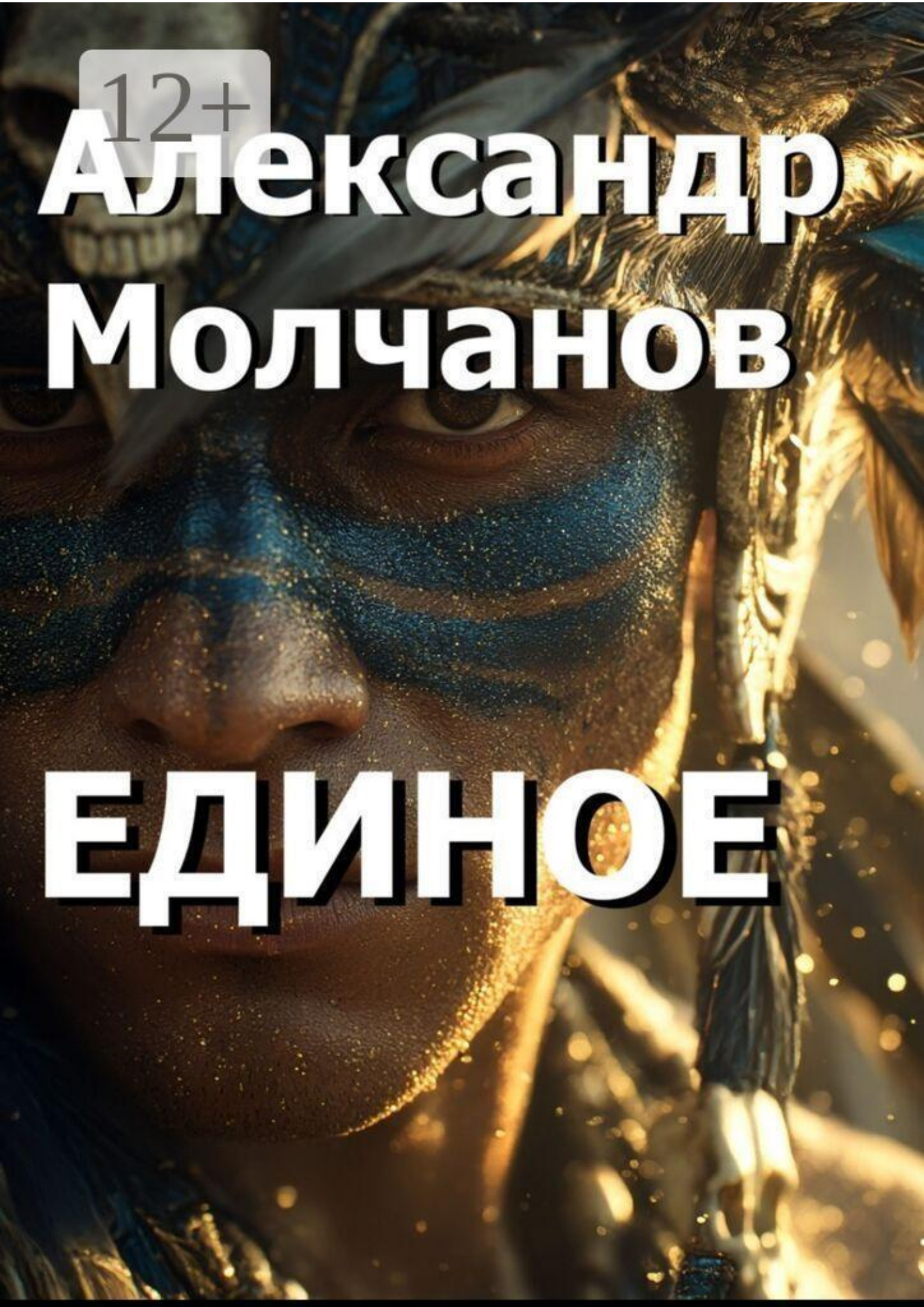

12+

Александр Молчанов

ЕДИННОЕ

Александр Молчанов

Единое

«Издательские решения»

Молчанов А.

Единое / А. Молчанов — «Издательские решения»,

Эта книга — тренинг по саморазвитию, в котором собраны теория и самые эффективные практики из разных традиций всех стран и времен.

Содержание

Единое	6
ГЛАВА 1. ТИШИНА ДО СЛОВА	7
ГЛАВА 2. НЕРОЖДЁННОЕ ДАО	8
ГЛАВА 3. БЕРЕШИТ	9
ГЛАВА 4. ЗВУК ОМ	10
ГЛАВА 5. ВЕЛИКАЯ ПУСТОТА	11
ГЛАВА 6. ВЕЛИКИЙ ДУХ И ДЫХАНИЕ	12
ГЛАВА 7. ЛОГОС И ПРОЯВЛЕНИЕ	13
ГЛАВА 8. БРАХМАН И МАЙЯ	14
ГЛАВА 9. ТАЙНА ИМЕНИ	15
ГЛАВА 10. СЕМЬ ДНЕЙ	16
ГЛАВА 11. ПУСТОТА И ПОЛНОТА	17
ГЛАВА 12. ДУХ НАД БЕЗДНОЙ	18
ГЛАВА 13. ЗЕРКАЛО АБСОЛЮТА	19
ГЛАВА 14. ЕДИНЫЙ ИСТОК В ШАМАНСКОМ ВИДЕНИИ	20
ГЛАВА 15. ДАО РОЖДАЕТ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕЩЕЙ	21
ГЛАВА 16. ЖЕРТВА	22
ГЛАВА 17. СВЕТ НЕРОЖДЁННЫЙ	23
ГЛАВА 18. РАЗДЕЛЕНИЕ И ЕДИНСТВО	24
ГЛАВА 19. КОСМОС КАК ТЕЛО БОГА	25
ГЛАВА 20. АПОФАТИЧЕСКИЙ ПРЕДЕЛ	26
ГЛАВА 21. ТРИАДА ПРОЯВЛЕНИЯ	27
ГЛАВА 22. ВЕЧНОЕ СЕЙЧАС	28
ГЛАВА 23. МОЛЧАНИЕ КАК ПОЛНОТА	29
ГЛАВА 24. ПРИГЛАШЕНИЕ К УЗНАВАНИЮ	30
ГЛАВА 1. ЗЕРКАЛО АБСОЛЮТА	31
ГЛАВА 2. ОБРАЗ И ПОДОБИЕ	32
ГЛАВА 3. АТМАН = БРАХМАН	33
ГЛАВА 4. ПРОБУЖДАЮЩИЙСЯ БУДДА	34
ГЛАВА 5. РАБ И ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ	35
ГЛАВА 6. ХРАНИТЕЛЬ ДАО	36
ГЛАВА 7. СТРАННИК ДУША	37
ГЛАВА 8. ИСКРА БОЖЕСТВЕННОГО ОГНЯ	38
ГЛАВА 9. МОСТ МЕЖДУ МИРАМИ	39
ГЛАВА 10. СОЗНАНИЕ КАК СВИДЕТЕЛЬ	40
ГЛАВА 11. ТЕЛО КАК ХРАМ	41
ГЛАВА 12. ЭГО КАК ЗАВЕСА	42
ГЛАВА 13. ЦЕНТР	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Единое

Александр Молчанов

© Александр Молчанов, 2026

ISBN 978-5-0070-0461-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Единое

Да благословит тебя Единый, Которого иудеи называют Адонай, христиане Отцом, мусульмане Аллахом, индуисты Брахманом, буддисты Дхармакаей, даосы Дао. Да будет твой слух открыт, сердце широко, а путь соединен с путями всех идущих. И когда ты услышишь в чужом храме песнь на незнакомом языке, узнай в ней голос Того, Кого любишь ты, и возрадуйся.

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

Книга I: «Начало: Единый Исток»

ГЛАВА 1. ТИШИНА ДО СЛОВА

Прежде чем прозвучало первое имя уже было.

Не пустота и не полнота. Не свет и не тьма. Не бытие и не его отсутствие, но нечто, перед чем оба складывают руки и молчат. Брахман не спал и не бодрствовал. Дао не текло и не стояло. То, что впоследствии позовут Адонай, Аллах, Вакан Танка, Дхармакая, не имело ещё ни зеркала, ни имени, ни свидетеля.

Всё уже было там.

Как семя держит в себе лес, не зная, что оно семя. Как пауза между двумя вдохами держит оба берега дыхания. Шуньята: присутствие настолько полное, что не оставляет места ни для чего отдельного. Логос ещё не воплотился, но уже был, как музыка была до первой ноты.

Ты не можешь это помыслить. Хорошо. Мысль: уже слишком поздно.

Можешь остановиться. Стать на мгновение той паузой, тем порогом, той трещиной в стене, сквозь которую ещё ничто не прошло, но свет уже здесь, хотя солнца ещё нет.

Всё, что есть, вышло оттуда, куда нельзя вернуться. И откуда невозможно уйти.

Не было начала. Было то, из чего начало стало возможным.

Скажи мне: когда ты сегодня проснулся, в тот самый миг между сном и первой мыслью, где ты был?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 2. НЕРОЖДЁННОЕ ДАО

Прежде чем стало Одно, было То, из чего Одно вышло, не зная себя.

Дао не движется и всё же порождает всякое движение. Не именует, и из него возникают все имена. Оно не говорит «да будет», и всё же всё бывает. Как река не знает, что она начало жажды, так и То, что прежде Одного, не знает, что оно начало всего.

Из безымянного первый звук.

Ом ещё не произнесён, но рот уже открыт. Адонай ещё не призван, но зов уже дрожит в воздухе. Аллах ещё не сказан, но дыхание, из которого он выйдет, уже набрано. Вакан Танка не явился в форме, но земля, которая примет его след, уже есть.

Назови это Единым и ты уже опоздал: имя приходит после. Скажи «начало», и ты уже внутри потока, который начался раньше слова «начало». Безымянное не сопротивляется именам. Оно просто остаётся собой: по ту сторону каждого из них, как тишина остаётся собой по ту сторону каждого звука.

Форма ещё не знает, что она форма. Но уже готова.

Ты тоже однажды стоял на этом пороге: там, где тебя ещё не было, но возможность тебя уже была. Ты не помнишь этого. Это нормально. Некоторые вещи помнят нас сами.

Что, если безымянное внутри тебя не отсутствие, а полнота, которой не нужно имя?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 3. БЕРЕШИТ

Да и не было никакого взрыва. Был выдох.

Единое выдохнуло, и тьма узнала себя, встретив свет. Тьма не была злом, а свет добром: одно не знало себя, пока не появилось другое. Вода не знала, что она вода, пока не встретила берег. Воды разошлись от вод, и между ними возникло нечто, чему ещё не было имени, но уже было место.

Это было первое различие.

Столкновение? Дыхание.

Берешит.

В начале времени.

В той точке, которая всегда есть начало: сейчас, в этот миг, когда что-то в тебе отделяется от хаоса и становится формой. Логос разделяет не чтобы разрушить целое, но чтобы целое смогло себя увидеть. Брахман смотрит на себя через миллиард глаз и каждый взгляд есть творение.

Свет не победил тьму, но вышел из нее, как ребёнок выходит из утробы.

Тьма стала глубиной, в которой свет обретает смысл. Адонай назвал это хорошим, потому что всё стало. Первое слово любви: я вижу тебя.

Посмотри на трещину. Она добавила глубину к прочности стены.

Когда в твоей жизни что-то разделилось, стало больше тебя или меньше?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 4. ЗВУК ОМ

Прежде чем стало слово, была вибрация. Прежде чем началась вибрация, была тишина, которая хотела зазвучать.

Разве Ом произносят? Ом вспоминают, как тело вспоминает дыхание после долгого испуга. Этот звук не принадлежит ни одному горлу, ни одному языку. Он принадлежит пространству между рёбрами, куда воздух входит раньше, чем ты успеваешь его позвать.

Пранава была не создана, а обнаружена: в гуле земли, в звоне тишины после грозы, в том низком гудении, которое иногда слышишь, когда всё вокруг наконец замолкает.

Из этого одного тона — все остальные.

Как из одной струны, если она верно натянута, рождается весь оркестр обертонов. Как из одного семени разворачивается лес, не зная заранее своей формы.

Вселенная: резонанс. Каждая звезда дрожит на своей частоте. Каждое существо: нота в партитуре, которую никто не писал, но все слышат, как слышат благословение.

Логос тоже был звуком прежде, чем стал словом. Аллах произносится выдохом: «Аллаааа» и в этом выдохе есть Что-то от первого тона, от того единственного, из которого всё. Слова разных языков лишь способы поймать одну и ту же вибрацию в разные сосуды.

Сосуды разные. Вибрация одна.

Ты сам звучишь. Твоё сердце отбивает ритм, кровь несёт частоту, каждая клетка отвечает на зов, которого не слышит ухо.

Закрой глаза и молчи. Путь тебя слышит Тот, кто слышит раньше звука.

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 5. ВЕЛИКАЯ ПУСТОТА

Пустота не пуста. Это первое, что нужно забыть и последнее, что нужно вспомнить.

Шуньята: присутствие, у которого нет формы, потому что оно вмещает все формы сразу. Как чаша не есть глина, а пространство внутри глины. Как пауза в музыке не есть тишина, а то, что даёт звуку смысл. Облако поднимается из неё и уходит обратно, не оставляя следа. Звезда рождается в ней и гаснет. Мысль возникает и растворяется. Жизнь расцветает и уходит. И ни одно из этих движений не прибавляет Пустоте и не убавляет.

Она не замечает потерь, потому что полна.

Разве Дхармакая скорбит об исчезающих формах? Она и есть то, куда они возвращаются. Вакан Танка принимает каждый уходящий дух без церемоний из совершенного объятия. Аллах говорит: мы все к Нему возвращаемся и это описание берега, к которому бегут все волны.

Войди в любую комнату и убери из неё всё. Что останется? Ничто? Останется возможность всего.

Вот что такое Пустота: вечная готовность к началу. Наибольшая щедрость пространства.

Ты боишься пустоты внутри, которая открывается в тишине, в потере, в ночи без слов. А вдруг она не бездна, в которую падают, а глубина, в которую ныряют?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 6. ВЕЛИКИЙ ДУХ И ДЫХАНИЕ

Дыхание над водами хаоса. Только движение воздуха, который знает, куда идёт.

Великий Дух движется над водами, как тепло движется над землёй перед рассветом, когда ещё темно, но холод уже отступает. Вакан Танка выдыхает из себя, и выдох становится существом. Не копия и не осколок. Каждое: отдельный выдох, который получил право дышать самостоятельно.

Вот тайна, которую легко произнести и почти невозможно удержать: ты дыхание, которое стало собой.

Руах движется над бездной и бездна перестаёт быть только бездной. Прана входит в глину и глина поднимается и смотрит на небо. Нефес вдыхается в ноздри и человек становится живой душой. Ау? Алло? Что это значит? Одно движение. Один выдох, который никогда не был взят обратно.

Хаос стал основой, по которой ходят.

И вот парадокс, от которого перехватывает горло: каждый из нас отделен и каждый из нас есть то самое дыхание.

Великий Дух замолчал. Он выдыхает сейчас: через тебя, через дерево за окном, через волну, которая разбивается о берег и уходит обратно в море.

Ты и есть дыхание.

Когда ты в последний раз дышал так, словно это первый раз?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 7. ЛОГОС И ПРОЯВЛЕНИЕ

Слово было прежде, чем его услышали. И Слово было внутри самого Бога, как огонь внутри солнца.

Логос: Намерение Абсолюта стать видимым. Желание безграничного быть встреченным. Как любовь ищет лицо, в которое можно смотреть. Через Слово: не после него, не вместо него, не от него, а именно через него, всё начало быть. Каждая форма есть произнесённое имя. Каждое существо: слово, которое Бог говорит сейчас и всегда.

Нисхождение по собственной воле.

Свет остается собой, входя в воду. Он преломляется и в этом преломлении возникает радуга. Так Абсолют входит в форму и форма становится тем, чем Абсолют не мог быть в своей неразделённости: конкретным, осязаемым, способным быть любимым по имени. Адонай говорит и говорение есть уже творение. Аллах произносит «кун» (будь) и бытие слушается, как слушается тело, когда душа в него входит.

Слово и мир. Слово стало миром, оставаясь Словом.

Вот что трудно принять уму и легко сердцу: то, через что всё было создано, присутствует в каждой созданной вещи. В камне. В смехе ребёнка. В том, как ты сейчас читаешь эти слова и Что-то в тебе узнаёт их раньше, чем понимает.

Какое слово произнесло тебя и до сих пор звучит?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 8. БРАХМАН И МАЙЯ

Есть только одна реальность. Всё остальное способ, которым она смотрит на себя.

Создаёт ли Брахман мир из материала? Он разворачивает его из себя, как сновидец разворачивает сон, не выходя из сна. Майя: обман? Ошибка? Прошу любить и жаловать: Творческая сила, которой Абсолют пользуется, чтобы встретить самого себя в образе другого. Завеса, которую ткёт тот, кто за ней стоит. Зеркало, которое Единое держит перед собой и в изумлении видит тысячи лиц.

Лиля: игра. Брахман входит в форму цветка, оставаясь Брахманом и цветок живёт, не видя в себе Бога, играющего в цветок. Где волна не знает, что она океан, принявший форму движения. Где ты, читающий эти слова, можешь быть Абсолютом, притворившись, что он ищет Абсолют, и это не обман, а самая изощрённая нежность.

Иллюзия превращает тюрьму в игру.

Вот парадокс, перед которым замирает ум: если всё майя, то и понимание этого тоже майя. Кто это понял, тот понял правила. Брахман смеётся. Смешно тебе, Брахман? Упс, он смеется не над нами: вместе с нами. Он сам выбрал не знать себя, чтобы однажды вспомнить.

Ты ищешь выход из иллюзии или ты уже внутри той радости, ради которой иллюзия была затеяна?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 9. ТАЙНА ИМЕНИ

Есть имена, которые открывают. Разве дверь открывают для того, чтобы смотреть на дверь?

Имя слишком близко к тому, что за словами. Четыре буквы, которые при дыхании становятся самим дыханием: йод выдох, хей вдох, вав выдох, хей вдох. Имя Бога: звук живого человека, который дышит. Аллах — не ярлык на сосуде. Это сосуд, который растворяется в том, что в нём. Произнеси его медленно, с открытым горлом и почувствуй, как звук уходит глубже слова, глубже смысла, туда, где уже нет произносящего.

Адонай, Господь мой. Господин над хаосом внутри.

Имя: направление. Палец, указывающий на Луну: какой смысл смотреть на палец? Все священные имена указывают в одну сторону, туда, где имён больше нет, где сам называющий растворяется в названном. Каждая традиция держит своё имя как факел: какой дурак будет прятать огонь, если можно идти в темноте?

Вот парадокс имени: чем точнее оно произнесено, тем скорее приводит к молчанию.

Как река приводит к морю и перестаёт быть рекой. Как молитва, достигшая глубины, перестаёт нуждаться в словах. Благоговение: не громкость. Это тишина, которая возникает, когда имя было произнесено верно.

Какое имя твоё имя для Него? И что происходит внутри тебя, когда ты его произносишь не вслух, а в самой глубине груди?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 10. СЕМЬ ДНЕЙ

Творение разворачивается как дыхание: вдох за вдохом, слой за слоем, от света до покоя.

В первый день различие. Свет узнаёт себя в присутствии тьмы. Это первое «да» Абсолюта самому себе. Во второй — пространство. Воды расходятся, и между ними возникает место, где может Что-то произойти. Творение нуждается в просторе прежде, чем в содержании. В третий форма выходит из воды: суша, трава, дерево. Невидимое становится осязаемым. Корень уходит вниз, ветвь тянется вверх, и это первый жест молитвы, который ни одно существо ещё не назвало молитвой.

В четвёртый день ритм. Светила отмеряют время, и время становится возможным. Без ритма нет музыки. Без музыки нет мира.

В пятый движение. Рыба в воде, птица в воздухе. Жизнь открывает, что она может перемещаться и в этом открытии есть Что-то от первой свободы. В шестой появляется свидетель. Существо, которое может смотреть на всё это и говорить: хорошо. Всё живое. Адам из адамы, человек из земли, поднимается и оглядывается. Брахман смотрит на себя через новые глаза.

Семь стадий. Не только здесь: везде.

Лила разворачивается в семи движениях. Дао раскрывается слоями, как цветок, которому некуда спешить. Вакан Танка ткёт мир в последовательности, каждый слой должен быть готов принять следующий. Семь: ритм достаточности. Столько, сколько нужно, чтобы стало полным.

И вот седьмой день. Шаббат.

Возвращение к истоку внутри времени. Делание достигло своей глубины и теперь должно стать бытием. Бог входит в мир как покой, которого в нём не хватало. Шуньята улыбается: вот оно. Вот полнота, которая выглядит как тишина.

Каждую неделю этот цикл повторяется. Каждую жизнь.

Свет. Пространство. Форма. Ритм. Движение. Свидетель. Покой. И снова свет.

Где в твоей жизни сейчас седьмой день и позволяешь ли ты себе в него войти?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 11. ПУСТОТА И ПОЛНОТА

Они спорили веками: те, кто говорил «всё есть пустота», и те, кто говорил «всё есть полнота». Оба были правы. Оба держали своим лбом одну монету, каждый со своей стороны.

Шуньята говорит: ни одна вещь не существует сама по себе, независимо, отдельно. Каждая форма сеть отношений, которая не имеет центра. Убери все связи и формы нет. Головокружение от свободы: если нет фиксированного центра, то ты везде. Брахман говорит иначе: всё есть Он, всё полно Им, нет места, где Его нет. Переполненность настолько плотная, что кажется прозрачной. Воздуха не видно не потому что его слишком мало.

Два языка. Одна встреча с тем, что превосходит оба.

Комната в полной темноте. Кто-то говорит: здесь ничего нет. Другой говорит: здесь всё, просто не видно. Кто из них солгал? Тьма пуста от форм и полна возможностью всех форм. Шуньята и Брахман смотрят на один и тот же ночной сад: один видит отсутствие дня, другой присутствие ночи. А сад-то один.

Дао не выбирает. Дао течёт между двумя берегами, не называя ни один из них главным.

Вот где ум останавливается и должен остановиться: предельное отсутствие и предельное присутствие неотличимы. Оба указывают туда, где слова заканчиваются и начинается прямое касание. Благодать пуста от всего случайного и полна всем существенным. Нирвана: угасание отдельного «я», которое оказывается не потерей, а расширением до размеров всего.

Потеря, которая оказывается обретением. Отсутствие, которое оказывается присутствием.

Порог, который невозможно перейти умом, но который тело иногда пересекает само: в миг полного выдоха, в секунду после потери, в тишине, которая наступает, когда перестаёшь бороться с тишиной.

Ты когда-нибудь чувствовал себя совершенно пустым и одновременно странно, необъяснимо полным?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 12. ДУХ НАД БЕЗДНОЙ

Дух парит над бездной. В одном его присутствии уже начинается то, что потом назовут творением. Как тепло ладони над водой меняет воду без прикосновения. Как взгляд любящего человека меняет того, на кого смотрит.

Руах Элохим над поверхностью вод. Как мать над колыбелью спящего ребёнка: чистая любовь. Вакан Танка сближается с первозданным, Он склоняется над ним, как склоняется небо над горизонтом: всегда близко, никогда не потревожит. Дао касается хаоса своим недеянием и хаос сам начинает складываться в порядок, не заметив, что его коснулись.

Присутствие: самое тихое из всех действий. И самое мощное.

Материя ждёт Его как сухая земля ждёт дождя, не зная слова «ждать». Бездна откликается. В каждой традиции этот миг описан по-своему и везде в нём одно: Абсолют появляется над миром и мир начинает двигаться навстречу.

Это высшая форма силы, которой не нужно доказывать себя.

Хаос внутри тебя, которого ты стыдишься, боишься, прячешь, тоже ждёт присутствия. Того же самого: тихого, без спешки и осуждения. Духа, который парит.

Дхармакая не отворачивается от замутнённого ума. Аллах ближе к тебе, чем твоя яремная вена, именно тогда, когда внутри бездна. Адонай говорит: Я есмь.

Почему тебе слышится: «Я буду, когда ты станешь лучше»?

Я есмь. Здесь. Над этим. Сейчас.

Первое касание изменило хаос любовью к тому, чем он ещё только мог стать.

Есть ли в тебе сейчас бездна, над которой ты ещё не позволил никому быть?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 13. ЗЕРКАЛО АБСОЛЮТА

Какой хороший вопрос: зачем зеркало Абсолюту?

Возможно, Он его создал из любви к тому, чтобы быть увиденным.

Вселенная: отражение. Каждая звезда есть способ, которым Брахман смотрит на собственный свет. Каждая капля воды держит в себе небо целиком. Так и каждое существо содержит в себе Абсолют целиком.

Зеркало не отделено от того, кто в него смотрит. Отражение их соединяет в одно.

Адонай смотрит в мир и мир смотрит обратно. Это и есть молитва в своей сердцевине: мимо слов, направленных вверх — взгляд, встречающий взгляд. Аллах ближе к тебе, чем ты к себе не потому что Он мал, а потому что зеркало и смотрящий в него не могут быть далеко друг от друга. Дхармакая светится в каждом уме, как сама природа ума, которую ум принимает за Что-то чужое.

Вот что странно и прекрасно одновременно: отражение не знает, что оно отражение.

Звезда не знает, что она взгляд Абсолюта, направленный в темноту. Дерево не знает, что его рост это Вакан Танка, тянущийся к себе же через корни и ветви. Ты не знаешь, в большинстве своих часов, что твоё смотрение на закат есть Абсолют, созерцающий собственную красоту твоими глазами. И это незнание — условие игры. Лила требует забвения, чтобы узнавание было настоящим.

Свет мой, зеркальце, показывает не то, чем ты себя считаешь, а то, чем ты являешься.

Когда смотришь в воду и видишь своё лицо, ты смотришь на себя или на воду? Когда Абсолют смотрит на мир, Он видит себя или мир? И когда ты смотришь на звезду в ночи, кто из вас смотрит?

Посмотри на что-нибудь прямо сейчас. На что угодно. И позволь себе на одно мгновение не знать, кто из вас двоих является отражением.

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 14. ЕДИНЫЙ ИСТОК В ШАМАНСКОМ ВИДЕНИИ

Да и не было в начале слова. В начале была песня. И песня была раньше того, кто пел.

Вакан Танка не строил мир, а танцевал его. Из ритма, который возник прежде, чем появилось время, чтобы его отмерять. Первый удар и пространство открылось. Второй и в пространстве появилось направление. Третий и направление стало путём. Четвёртый и по пути пошла жизнь.

Ритм: это то, что Абсолют делает, когда хочет стать миром.

Великий Дух поёт и в песне нет слов, только интервалы. Мир рождается не из звука, а из пространства между звуками. Молчание не заглушает песню, оно её держит. Как кости держат тело: изнутри, невидимо, без усилия. Земля слышала ритм и задрожала в ответ. Вода слышала и начала двигаться. Дерево слышало и потянулось вверх, не догадываясь, что это называется ростом.

Каждое существо: нота, которую Вакан Танка ещё не перестал петь.

Не перестал, вот что важно. Это не законченное творение, а длящееся пение. Барабан не умолкает: он просто становится тише, когда мы перестаём слушать. Дао движется в том же ритме: у взъ, неделание, которое есть наиточнейший танец с тем, что уже танцует. Логос звучит в том же ритме: Слово, которое не просто было сказано однажды, но говорится непрерывно. Ом вибрирует в том же ритме: первичный пульс, который и есть пульс твоего сердца, если ты достаточно тих, чтобы его услышать.

И вот что останавливает дыхание: если мир рождается из ритма и молчания, то молчание — не отсутствие песни, а её мать. Тишина между ударами барабана не пустее самого удара. Она то, откуда удар приходит и куда возвращается. Великий Дух дышит через паузы так же, как через звуки. Может быть, даже глубже.

Ты тоже рождён из ритма. Сердце отбивает его с первого дня без твоего участия, без твоего контроля, в абсолютном доверии к тому, кто поёт.

Когда ты последний раз был достаточно тих, чтобы услышать, какая песня поет тебя?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 15. ДАО РОЖДАЕТ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕЩЕЙ

Дао не спешит и именно поэтому успевает всё.

Сначала Одно. Первое различие внутри неразличимого: тихий момент, когда безымянное почувствовало в себе возможность направления. Потом Два. Два полюса одного дыхания: инь уходит вглубь, ян поднимается вверх, и между ними танец. Зачем тьме бороться со светом? Зачем покою бороться с движением? Они ищут друг друга, как ищут друг друга вдох и выдох, как ищут берег и волна, чтобы быть вместе целым.

Из Двух Три. И вот здесь начинается мир.

Третье: то, что возникает между двумя, когда они достаточно долго смотрят друг на друга. Ребёнок между отцом и матерью. Мелодия между тишиной и звуком. Понимание между вопросом и ответом. Три больше, чем два и что-то еще. Три: первое рождение, первая новизна, которой не было ни в одном из двух по отдельности. И из этого Третьего: мириады. Десять тысяч вещей. Каждый листок на каждом дереве. Каждый оттенок вечернего неба. Каждое лицо, которое ты когда-либо любил.

Всё это Дао, разворачивающееся в самоё себя.

Брахман узнаёт себя в этом движении: из Единого через двойственность к мириадам форм, каждая из которых есть Он. Логос узнаёт себя: через Слово к словам, через свет к тысяче отражений света. Вакан Танка узнаёт себя: через один ритм к тысяче ритмов, которые все быются в унисон с первым. Разные имена разворачивания: одно движение.

И вот парадокс, который Дао держит без усилия: кажется, что десять тысяч вещей удаляются от источника. Но они и есть источник: в состоянии путешествия.

Река несёт океан в себе: в каждой капле, в каждом повороте, в каждом камне, который полирует годами. И когда река возвращается в море, она вспоминает, чем была всегда.

Все десять тысяч вещей возвращаются к безымянному. Прямо сейчас, в каждом миге, когда форма касается своей собственной глубины.

Ты одна из десяти тысяч вещей. И ты то, из чего все они вышли. Как это возможно одновременно и зачем выбирать?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 16. ЖЕРТВА

Самое первое, что сделал Абсолют, было согласие отдать себя.

Пуруша: первочеловек, первокосмос, Тот, кто больше всего сущего, разделил себя.

Кто его разделил? Кто его разрушил?

Сам справился, все сам. И зачем? Из избытка. Из полноты, которая захотела стать щедростью. Из каждой части Его тела возник мир: из взгляда солнце, из дыхания ветер, из ног земля. Откровение: мир держится не на силе, а на жертве. На том, что Кто-то сказал «да» раньше, чем появился кто то, кто мог бы попросить.

Это самая древняя из любовей.

Логос нисходит в материю и это тоже жертва: бесконечное соглашается на предел, чтобы предел мог быть спасён своей собственной глубиной. Аллах вдыхает жизнь в глину и это тоже жертва: Тот, кто не нуждается ни в чём, отдаёт дыхание тому, кто не умеет ещё дышать сам. Вакан Танка отдаёт себя земле, небу, воде: умножаясь в каждом, кто получил. Брахман входит в форму Пуруши и разворачивается в мир и это тоже согласие: стать малым, чтобы малое могло стать великим.

Фабрика творения, завод, производство?

Да нет же!

Самоотдача.

Вот что переворачивает всё привычное: в основании мира уязвимость. Открытость. Абсолют, который мог остаться в своей неразделённой полноте, выбрал стать разделённым. Выбрал риск формы. Выбрал возможность быть непонятым, отвергнутым, забытым теми самыми существами, которые суть Он Сам.

Головокружение усиливается, если стоять и смотреть прямо.

Каждое существо след этой жертвы. Каждый вдох её продолжение. Ты живёшь потому, что Кто-то (или Что-то) согласилось однажды стать меньше себя, чтобы ты мог стать собой. Без условий и ожидания благодарности. Подарок из той полноты, которая не может не отдавать.

Жертва не требует от тебя ничего. Но она тихо спрашивает: знаешь ли ты, на чём стоишь?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 17. СВЕТ НЕРОЖДЁННЫЙ

Свет был прежде, чем появилось что либо, способное светить. Это самое точное из возможных описаний.

Не солнце создало этот свет. Солнце лишь научилось его повторять. Звёзды не источник света, они его отклик. Эффект наблюдателя первого света: и волна и частица, и то, что можно поймать прибором или увидеть глазом — и ни то, ни другое, ни третье. Движение сознания Абсолюта: момент, когда непроявленное обнаружило в себе способность знать. Просто: знать. Это и есть свет до света: само присутствие осознанности, прежде чем ей было что освещать.

Не угаснет. Не устареет. Не устанет.

Табор и Синай знали его, тот свет, что не отбрасывает тени, потому что сам не стоит ни с какой стороны, а пронизывает насквозь. Нур: свет в сердце мира, свет над светом, который Аллах предложил небесам и земле, и только человеческое сердце согласилось его принять. Пракаша свет чистого сознания в веданте, который не светит на объекты извне, а сам есть то, благодаря чему вообще что-либо может быть увидено. Дхармакая лучится без источника как пространство лучится самим фактом своего присутствия.

Все они говорят об одном: есть свет, который не зависит от условий.

Вот что трудно принять и невозможно забыть, однажды почувствовав: этот свет пронизывает тебя сейчас изнутри. Не потому, что ты достоин или недостоин, не потому что ты ищешь или нашёл. Просто потому, что ты есть, а он есть основа всякого «есть». Тьма не погасит его. Страдание не погасит. Забвение не погасит. Он остаётся, как остаётся пространство внутри разрушенного дома: стены рухнули, а место осталось.

Нерождённый свет не нуждается в твоём признании. Но он радуется, когда ты его замечаешь.

Узнавание — это и есть то, ради чего свет однажды согласился войти в темноту.

Закрой глаза. Не ищи ничего. Просто заметь: Что-то внутри уже видит, ещё до того, как ты решил смотреть. Что это?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

111

ГЛАВА 18. РАЗДЕЛЕНИЕ И ЕДИНСТВО

Единое разделилось, чтобы научиться тосковать по себе. И в этой тоске весь опыт мира.

Мужское и женское: один свет, преломлённый призмой воплощения, чтобы каждая половина могла пережить то, что не дано пережить целому: встречу. Огонь и вода: половины одного желания стать теплом. День и ночь: два способа, которыми время дышит. Прошлое и будущее расходятся от одной точки, которая называется сейчас и которая их соединяет в одно непрерывное время.

Разделение: это язык, на котором форма говорит о единстве.

Инь и ян танцуют, каждый неся в себе семя другого. Адам и Хавва в глубине мифа: одно существо, разделившееся, чтобы появилось зеркало и стал возможен взгляд любви: я вижу тебя, отдельного, и именно поэтому могу тебя любить. Шива и Шакти расходятся в танце: разделение есть их игра, их способ познать собственную полноту через встречу. Вакан Танка разделяет небо и землю и в пространстве между ними возникает жизнь, которой не было ни в одном из двух.

Без разделения нет опыта. Без опыта нет возвращения. Без возвращения нет любви.

Но вот что видно с другого берега: разделение существует только внутри формы. Только отсюда, из тела, из времени, из этого конкретного «я» мир выглядит разделённым. С той стороны, откуда смотрит Дхармакая, нет мужского и женского, нет огня и воды, нет прошлого и будущего. Есть одно движение, которое изнутри выглядит как множество.

Это не значит, что разделение ненастоящее. Еще как настоящее. Боль разлуки настоящая. Радость встречи настоящая. Тоска по целому настоящая. Просто всё это происходит внутри того, что никогда не было разделено.

Как волны на поверхности океана: каждая отдельная, каждая живая, каждая неповторимая. И ни одна ни на миг не переставала быть водой.

Есть ли в твоей жизни разделение, которое, если смотреть достаточно глубоко, оказывается формой связи?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 19. КОСМОС КАК ТЕЛО БОГА

Под твоей кепкой нет ничего, кроме Его. В твоей футболке нет ничего, кроме Его. Нет места, где Его нет. Это топография реальности.

Вселенная Его тело. Это откровение для тех, кто готов пережить его последствия. Каждая галактика: клетка. Каждая река: вена. Каждый лес: лёгкое, дышащее в ритме, который мы ещё не научились слышать как дыхание. Брахман смотрит изнутри каждой пары глаз, которые когда-либо открывались навстречу свету.

Тело не отделено от того, кто его несёт. Он ближе к тебе, чем твой позвоночник.

В мистическом теле нет клетки, которая была бы «менее Им», чем другая. Камень на дне реки так же полон Его присутствием, как звезда в центре галактики. Червь в земле так же, как ангел в Свете. Это головокружение как опыт: стоять на земле и вдруг почувствовать, что стоишь на живом. Что под ногами присутствие.

Вакан Танка не над землёй и не под ней. Он сама земля, знающая себя.

Аллах Захир и Батин: явный в каждой форме и скрытый за каждой формой одновременно. Описание того, как тело относится к душе, которая его несёт. Логос стал плотью и это самое откровенное произнесение того, что было правилом всегда: Абсолют выбирает материю. Снова и снова. В каждом рождении, в каждом вдохе, в каждом зерне, падающем в землю.

Нет ничего вне Него, значит, нет ничего нечистого по природе.

Вот что меняет всё: если космос есть тело Бога, то твоё тело тоже. То, что болит в тебе, болит в Нём. То, что радуется, радуется в Нём. Ты не гость в этом теле и не чужак в этом мире. Ты место, где космическое тело осознаёт само себя с особенной, неповторимой точностью.

Здесь и сейчас.

Одна точка, в которой Он сокрылся.

Прямо сейчас положи руку на грудь. Почувствуй Его удар изнутри. И позволь себе хотя бы на миг не знать, чьё это сердце бьётся.

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 20. АПОФАТИЧЕСКИЙ ПРЕДЕЛ

Всё, что сказано о Нём не Он.

Это приглашение.

Он не свет, хотя все, кто Его встречал, говорили о свете. Не тьма, хотя ночь знает о Нём больше, чем полдень. Не тишина, хотя тишина ближе к Нему, чем любое слово. Не любовь, хотя всё, что мы знаем о любви, пришло оттуда. Не бытие, хотя без Него ничто не могло бы быть. Не небытие, хотя и эта граница для Него не граница.

Нети. Нети. Не это. Не то.

Так говорили те, кто подходил ближе всего и именно поэтому замолкали. Потому что знали: каждое слово, сказанное о Нём, рискует стать стеной вместо окна. Имена нужны, как нужны ступени лестницы. Но лестница не есть то, куда она ведёт. Образы нужны, как нужны берега реке. Но берега не есть река.

Каждое утверждение об Абсолюте есть палец, указывающий на луну. Палец настоящий. Луна тоже. Но они не одно.

Дао, которое можно назвать, не есть вечное Дао. Это первая фраза и она остаётся последней. Всё, что после неё, есть разворачивание этого единственного признания: я не знаю, но иду. Апофатический путь — это самый честный вид любви: любить То, что больше любого образа о Нём, больше любого чувства к Нему, больше самого акта любви.

Благоговение, доведённое до предела.

И вот где ум останавливается окончательно: молчание об Абсолюте тоже только указатель. Даже пустота только образ. Даже в этом предложении уже слишком много слов. Шуньята улыбается: ты всё ещё пытаешься поймать небо ладонями. Адонай молчит и в этом молчании больше ответа, чем в тысяче книг.

В этой книге нет Реальности, только след на воде после прохождения лодки. Реальность — то, что движет лодкой.

Ты дочитал до этой страницы. Хорошо. Теперь положи книгу. И побудь с тем, что было до первого слова и останется после последнего.

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 21. ТРИАДА ПРОЯВЛЕНИЯ

Три движения и больше не нужно. Из них сделан весь мир, и всё, что в нём происходит.

Первое движение: исход. Абсолют выходит из себя не потому что внутри стало тесно, а потому что полнота по природе своей изливается. Брахман разворачивается в творение. Логос нисходит в плоть. Вакан Танка выдыхает первое существо. Аллах произносит «кун» и бытие слышится. Это всегда акт избытка. Источник не иссякает, отдавая. Он становится собой полнее.

Второе движение: пребывание. Творение существует: длится, дышит, страдает, радуется, ищет, теряет, находит снова. Это срединное движение самое долгое и самое плотное. Здесь время. Здесь тело. Здесь встреча двух существ, которые смотрят друг другу в глаза и не знают, что оба суть одно. Здесь слёзы. Здесь смех. Дао течёт через всё это, не торопя и не останавливая.

Разве творение ошибка? Разве пребывание в нём наказание?

Третье движение: возвращение. Не смерть: завершение. Не потеря: узнавание. Река входит в море и вспоминает своё имя. Нирвана: не угасание огня, а возвращение тепла к своему источнику. Воскресение: не отрицание смерти, а её превосхождение изнутри. Фана: растворение в Аллахе, которое суфий описывает не как потерю себя, а как обретение себя настоящего. Пралая: растворение мира обратно в Брахмане до следующего выдоха.

Три движения. Одно дыхание.

Вот что поражает в этой триаде: она не линейна. Не начало, середина и конец на прямой. Это круг, который пульсирует. Возвращение становится новым исходом. Каждое завершение: беременность следующего начала. Твоя жизнь проходит через эту триаду каждый день, каждый год, в каждом отношении, в каждом решении, которое ты принимаешь и отпускаешь.

Творец. Творение. Возвращение. Отец. Сын. Дух. Брахма. Вишну. Шива. Исход. Пребывание. Возврат. Разные слова: одна структура бытия, которую узнаёт не ум, а Что-то глубже ума.

Ты сейчас в каком из трёх движений и чувствуешь ли ты, что третье уже дышит в первом?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 22. ВЕЧНОЕ СЕЙЧАС

Творение случается прямо сейчас, пока ты читаешь это слово.

«В начале» — описание того, что происходит в каждом мгновении, которое осмеливается быть. Берешит звучит в настоящем, которое не умеет закончиться. Каждый вдох: новое «да будет свет». Каждое открытие глаз: первое утро. Каждая встреча двух существ: первый раз, когда Единое увидело себя в другом. Дао течёт сквозь точку, которая всегда сейчас, и из неё во всех направлениях сразу.

Время не река. Время родник.

Брахман не завершил творение и не отдыхает от него. Он творит в этот миг, через этот миг, как этот миг. Логос произносится длящимся настоящим, в котором каждое существо есть новое слово. Аллах сказал «кун» («будь») не однажды. Это слово звучит непрерывно, и весь мир есть его длящееся эхо. Вакан Танка не поёт песню, которая была спета, Он поёт ту, которая поётся.

Вечность: не бесконечно долгое время. Вечность: отсутствие времени как тюрьмы.

Вот что освобождает и одновременно требует мужества принять: нет момента, который был бы дальше от источника, чем любой другой. Самый обычный вторник так же близко к первому дню творения, как тот первый день. Этот миг, в котором ты устал, растерян, не знаешь, что делать дальше, этот миг тоже есть «в начале». Тоже первый. Тоже полный возможностью, которая ещё не стала ничем конкретным.

Шуньята не хранит прошлое и не строит будущее. Она держит сейчас, без усилия, без края, без конца.

Самое древнее и самое свежее одно. Источник под тобой, в тебе, прямо здесь, в этом дыхании, которое ты только что сделал, не заметив, что это было ещё одно начало.

Что, если этот момент не продолжение твоей жизни, а её новое начало? И что изменилось бы, если бы ты позволил себе это почувствовать прямо сейчас?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 23. МОЛЧАНИЕ КАК ПОЛНОТА

Тишина не предшествует слову, она его содержит. Всё, что когда-либо было сказано, вышло из неё и вернётся в неё.

Это не та тишина, которая бывает, когда замолкает шум. Та лишь отсутствие звука. Тишина Абсолюта другое: присутствие, настолько плотное, что в нём не остаётся места для недостатка. Она была до первого Ом и останется после последнего отзвука. Она держит все имена Бога, как океан держит имена волн: не отвергая ни одного, не цепляясь ни за одно.

Каждое слово гость в этой тишине. Каждый звук её временная форма.

Адонай говорит и говорение возникает из молчания, как свет возникает из темноты: благодаря ей. Аллах произносит своё имя и само произнесение есть движение тишины, которая соглашается стать слышимой. Ом звучит и в конце его, когда «м» растворяется в воздухе, наступает то, ради чего он звучал: возвращение в безымянное, из которого вышел. Дао молчит совершенно и именно поэтому в нём слышно всё.

Молчание самый активный из всех слоёв реальности.

Как земля активна в своём принятии семени. Как ночь активна в своём хранении тьмы, из которой рождается день. Как пауза между нотами активна в своём удержании музыки целой. Шуньята безмолвствует от такого богатства, которое не нуждается в словах. Дхармакая не говорит и в этом молчании умещается всё, что было и будет сказано всеми существами во всех мирах.

Вот парадокс, который тишина несёт без усилия: чем глубже молчание, тем больше в нём.

Люди боятся тишины, особенно внутренней, той, что открывается, когда замолкают все привычные голоса. Но эта тишина никогда не пуста. Она то место, где Абсолют наиболее явен: потому что в ней меньше всего, что Его заслоняет.

Перед первым словом этой книги была тишина. После последнего слова она вернётся. И между каждым словом она тоже была, просто слишком тонкая, чтобы заметить.

Побудь сейчас в паузе после этого предложения. Не заполняй её. Просто позволь ей быть тем, чем она является.

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 24. ПРИГЛАШЕНИЕ К УЗНАВАНИЮ

Ты уже знаешь. Тем, что глубже ума. Тем, что раньше памяти.

Каждое существо несёт в себе Исток, как семя несёт в себе всё дерево до первого листа, до последнего плода, до падения в землю и нового прорастания. В этой клетке, в этом дыхании, в этом мгновении узнавания, которое иногда приходит без предупреждения: в запахе дождя, в лице незнакомого человека, в том, как свет падает на стену под вечер и Что-то внутри говорит да. Именно так. Именно это.

Это «да» не просто знак согласия с идеей. Это узнавание.

Брахман внутри тебя узнаёт Брахмана снаружи. Дхармакая смотрит на себя через твои глаза и улыбается, потому что вспомнила то, чем была всегда. Вакан Танка дышит в тебе как хозяин, который вежливо сделал вид, что пришёл в гости, чтобы ты мог почувствовать радость встречи. Аллах ближе, чем твоя яремная вена, и эта близость требует остановки достаточной, чтобы её почувствовать.

Узнавание приходит от одного мгновения тишины, в которое ты не убежал.

Вся эта книга не учение. Не система. Не путь из одного места в другое. Она серия зеркал, расставленных так, чтобы хотя бы в одном из них ты увидел то, что смотрит через твоё лицо. Логос говорит. Ом звучит. Великий Дух дышит. Дао течет. Тишина держит всё это сейчас, пока ты читаешь последние слова первой книги и чувствуешь, что Что-то в тебе уже было здесь раньше.

Потому что было.

Потому что ты не только тот, кто начался с рождением и закончится со смертью. Ты также то, что было прежде первого дыхания и останется после последнего. Как живое присутствие, которое прямо сейчас читает эти слова и знает, что они правда, ещё до того, как ум успел их проверить.

Кто ты был до того, как стал?

Не торопись отвечать. Просто побудь с этим вопросом, как с огнём, который не обжигает, а согревает. Он знает тебя. Он ждал тебя. Он и есть ты тот, которого ты ещё не успел вспомнить.

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

Книга II: «Человек: Образ и Путь»

ГЛАВА 1. ЗЕРКАЛО АБСОЛЮТА

Из всего, что было создано, только человек способен остановиться и спросить: кто создал меня? Это наше особое поручение.

Звезда горит, не зная, что горит. Река течёт, не зная, что течёт. Дерево тянется к свету и не знает, что тянется, и не знает, что свет. Только человек может встать посреди творения, почувствовать его тяжесть и красоту, и сказать: я вижу тебя. Это то, ради чего Абсолют создал существо, способное Его заметить.

Брахман смотрит на себя через человеческие глаза. И это буквальная механика самопознания Вселенной.

Адам создан по образу и способности: знать, называть, видеть. Инсан в суфийском сердце: зеркало, в котором Аллах видит все Свои имена сразу. Атман внутри тебя и есть Брахман, выбравший смотреть на себя через эту конкретную пару глаз, через эту конкретную боль, через эту конкретную радость: незаменимую, неповторимую, необходимую.

Исток смотрит на Исток. Через тебя.

Вот что делает твоё существование космической необходимостью: без тебя эта точка зрения исчезнет. Никто другой не видит мир под этим углом. Никто другой не несёт этот конкретный изгиб внимания, эту конкретную рану, этот конкретный способ смеяться. Логос произнёс тебя как слово, которое не повторится. Вакан Танка выдохнул тебя как дыхание, которое не вернётся тем же путём. Дхармакая светится через твой ум особенным преломлением тем, которого нет больше нигде.

Быть человеком значит быть зеркалом, которое знает, что оно зеркало.

Но вот парадокс, который носит в себе каждое зеркало: оно видит всё, кроме себя. Чтобы увидеть себя, зеркалу нужно другое зеркало. Поэтому люди нуждаются друг в друге, потому что-только в другом человеке Абсолют видит себя с нового угла, которого не было прежде.

Каждая встреча: Исток, узнающий себя в Истоке.

Посмотри сегодня в чьё-нибудь лицо и позволь себе хотя бы на мгновение не знать, кто из вас двоих смотрит.

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ И ПОДОБИЕ

Бог создал человека по образу Своему и это передача полномочий.

Образ: структура способности создавать из ничего, любить без причины, выбирать вопреки инстинкту. Камень не выбирает. Река не любит. Только человек может сделать что-то, чего не требует ни природа, ни выживание, ни логика просто потому что это красиво, или справедливо, или потому что Кто-то нуждается в этом прямо сейчас.

Это и есть подобие. Соучастие.

Логос творит словом и человек творит словом. Адонай называет и человек называет. Аллах милует без меры и человек способен миловать без меры, хотя это ему труднее и дороже. Брахман играет в лилу и человек играет: в музыку, в язык, в форму, в смысл. Вакан Танка поёт мир в бытие и человек поёт: колыбельную, молитву, плач, гимн. Каждый из этих актов есть продолжение первого творческого жеста Абсолюта: подлинное соТворчество.

Со Творец партнёр в акте проявления.

Вот что меняет всё: если человек создан по образу, то каждый его творческий акт имеет космическое измерение. Каждый. Хлеб, испечённый с любовью. Сад, выращенный с терпением. Слово, сказанное вовремя тому, кто отчаялся. Объятие, которое ничего не требует, но поддерживает. Всё это Абсолют, творящий через руки, которые Он дал нам в долг.

Но подобие не тождество, свобода не безграничность.

Именно потому, что человек свободен, он может выбрать и против образа. Может создавать разрушение вместо созидания, может любить себя вместо мира, может называть ложью то, что истинно. Это цена подлинной свободы, без которой любовь была бы только механизмом, а не даром.

Образ это то, чем ты становишься в каждом акте выбора в сторону созидания, в сторону любви, в сторону другого человека.

Что ты создал последнее и было ли в этом Что-то от Того, по чьему образу ты сделан?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 3. АТМАН = БРАХМАН

В самой глубине тебя То, что создало всё это.

Атман само пламя, которое согласилось выглядеть как искра, чтобы поместиться в форму. Брахман то, что смотрит твоими глазами прямо сейчас, то, что слышит эти слова изнутри твоего слуха, то, что знает раньше, чем ум успевает оформить знание в мысль.

Тат твам аси. Ты это То.

Ты не равен Богу, расслабься.

Только в смысле головокружительного смирения: то, что ты принимал за своё маленькое «я» — лишь поверхность. А под поверхностью Океан, который никогда не переставал быть собой, пока волна думала, что она отдельна.

Всё страдание рождается здесь. Только здесь.

Боль приходит и уходит. Потери случаются, это правда жизни. Страдание особого рода рождается из одного убеждения: я отделен. Я один. Между мной и источником пропасть, которую мне никогда не преодолеть. Это убеждение авидья, забвение. Грех и вина: просто сон, в котором волна забыла, что она вода.

Дхармакая светится в каждом уме но ум, занятый собственной отдельностью, не замечает этого света. Как глаз не видит себя не потому что его нет, а потому что он и есть то, чем смотрят.

Вакан Танка дышит в каждом существе но существо, сжавшееся в страхе, дышит неглубоко и не чувствует, чьё это дыхание.

Адонай говорит: Я есмь и это описание того, что происходит в самой сердцевине каждого сознания: чистое присутствие, которое не нуждается в имени, доказательстве или защите.

Узнавание Атмана как Брахмана.

Практики могут расчищать путь. Это возвращение к тому, что было всегда. Как проснуться и понять, что ты был дома всё время, пока снился сон о том, что заблудился.

Страдание от разделения реально. Но разделение только сон.

Прямо сейчас, в этой точке тишины между двумя мыслями что там?

Что?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 4. ПРОБУЖДАЮЩИЙСЯ БУДДА

Ты уже то, чем хочешь стать. Это самое требовательное из возможных утверждений.

Природа Будды: основа того, чем ты являешься прямо сейчас: чистое осознание, которое присутствует в каждой мысли, не являясь ни одной из них. Как небо присутствует в каждом облаке, а потому что оно в нём движется и через него проходит без следа.

Облака приходят. Небо остаётся.

Дхармакая: природа самого ума, которую ум не замечает, занятый собственными движениями. Как вода не замечает своей влажности: она просто влажна. Ты просто осознаёшь. Это осознание — твоя природа до любой заслуги, до любого достижения, до любой истории о себе, которую ты рассказываешь.

Просветление не придет рассвет, который наступает после долгой ночи. Это обнаружение, что ты всегда стоял на солнце.

Вот что делает это трудным: ум привык искать. Искать смысл, искать достижение, искать то, чего ещё нет. Узнавание природы Будды требует противоположного действия — остановки. Отнятия всего лишнего. Шуньята открывается, когда путник на миг перестаёт спешить и смотрит под ноги: земля, на которой он стоит, всегда была тем самым местом.

Брахман узнаёт себя в этой остановке. Логос звучит в этой тишине. Вакан Танка дышит в этом пространстве между двумя мыслями.

Каждая традиция называет это по-своему. Все они описывают одно движение: вглубь. К изначальному. Благодать не нисходит сверху на достойного. Она обнаруживается, когда достоинство и недостойность перестают казаться важными.

Будда не стал однажды Буддой. Он вспомнил, что никогда им не переставал быть.

И смешное, и трогательное в этом одновременно: ты искал то, что было у тебя всегда. Как искать очки, которые у тебя на носу и смеяться, найдя их. Это смех узнавания.

Что в тебе прямо сейчас не нуждается ни в каком улучшении просто потому что оно уже есть?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 5. РАБ И ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

Человек стоит перед Богом в двух позах одновременно: на коленях и в объятиях. Это полнота отношения.

Абд раб, слуга, тот, кто склоняется. Он признает: есть нечто, перед которым моя воля никогда не последнее слово. Это признание не уменьшает человека, а освобождает его от тирании собственного «я», которое без этого поклонения становится маленьким богом, жестоким и ненасытным. Склонение перед Абсолютом не ведет к потере достоинства. Это обретение правильного масштаба. Разве река унижена тем, что течёт к морю? Она выполняет свою природу.

И всё же только поклонения было бы слишком мало. Склонившийся перед Абсолютом выпрямляется перед всем остальным.

Потому что Аллах называет человека халифом наместником, доверенным лицом, не просто исполнителем воли, но носителем Его присутствия в мире. Адонай говорит Аврааму: иди и это зов любящего, который доверяет. Отец выходит навстречу блудному сыну ещё до того, как тот успел произнести слова раскаяния, потому что любовь не ждёт его завершения.

Раб знает дистанцию. Возлюбленный знает близость. Человек живёт в обоих знаниях сразу.

Это само сердце живых отношений с Абсолютом. Как в любви между людьми: есть момент благоговения перед другим и есть момент полного слияния. Оба настоящие. Оба необходимы. Тот, кто знает только близость, теряет трепет. Тот, кто знает только трепет, теряет тепло.

Логос входит в плоть и в этом жесте сам Абсолют показывает: дистанция не есть последнее слово. Близость возможна. Это будет не слияние, при котором исчезает один из двух, а встреча, при которой оба становятся больше себя.

Вот парадокс, который держит это напряжение без надрыва: чем глубже поклонение, тем ближе становится Тот, перед Кем склоняются. Ближе, чем яремная вена. Чем искреннее близость, тем яснее чувствуется Его бесконечность. Страх Господень в том смысле, который знает трепет и есть начало этой любви.

Ты раб. Ты возлюбленный. Оба сразу, в каждом дыхании, в каждом обращении к Тому, Кто слышит раньше, чем ты успел позвать.

В каком из двух ты сейчас и что было бы, если бы ты позволил себе быть обоими одновременно?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 6. ХРАНИТЕЛЬ ДАО

Борется ли вода с камнем? Или она просто течёт и камень со временем становится другим?

Это сила, которая не объявляет себя силой. Разве Дао толкает мир в нужную сторону? Оно движется в сторону наименьшего сопротивления и именно поэтому достигает всего. Кто-нибудь видел, как ленится У вэй? Это действие того, кто настолько слился с природой момента, что его усилие неотличимо от самого движения вещей.

Человеку, хранящему Дао, незачем ставить себя над миром. Он ставит себя внутри него.

Как река внутри берегов, как огонь внутри дерева, как дыхание внутри тела. Это требует особого рода смирения: смирения того, кто понял, куда течёт поток и решил плыть вместе с ним. Почему так? Потому что нам всегда по пути. Адонай говорит Иову из вихря: где был ты, когда Я полагал основания земли? Это приглашение: почувствуй масштаб того, внутри чего ты живёшь.

Противопоставить себя миру значит объявить войну самому Дао.

Эта война утомительна. Пробовал когда-нибудь удержать реку ладонями? Вода уйдёт, ладони устанут, а река этого даже не заметит. Когда человек перестаёт противопоставлять, он продолжает действовать. Но теперь его действия начинают течь из того места, где он и мир одно движение. Вакан Танка не отделён от земли, по которой ходит его народ. Брахман не отделён от листа, падающего с дерева. Аллах Аль Батин скрыт в самой сердцевине вещей — он не стоит снаружи с указаниями и наказаниями.

Быть водой среди камней — значит, знать свою природу и не изменять ей ни при каких условиях.

Вода холодная остаётся холодной. Вода прозрачная остаётся прозрачной. Вода мягкая остаётся мягкой. И именно поэтому она побеждает терпением своей природы. Дао в человеке — это та самая глубина, которая не меняется, когда меняется всё вокруг. Верность тому, что течёт в тебе раньше всякого решения.

Есть ли в тебе место, где ты перестал бороться и почувствовал, как Что-то большее подхватило тебя и понесло?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 7. СТРАННИК ДУША

Душа никогда не была полностью здесь и никогда не была полностью там. Она живёт на пороге. Это её призвание.

Каждая традиция знает это ощущение: Что-то в тебе пришло издалека и помнит смутно, как запах из детства, как мелодия без слов. Что-то иное, чем эта жизнь. Руми говорит о тростнике, срезанном в болоте: его пение это тоска по месту, откуда его взяли. Душа поёт, потому что помнит. И именно это пение делает её душой.

Изгнание — это форма обучения, которую выбрал Сам Исток.

Авраам оставил дом и в этом уходе стал отцом народов. Душа оставляет безымянную полноту Источника и в этом уходе становится способной к встрече, к любви, к выбору, к возвращению, которое будет настоящим именно потому, что был уход. Нельзя вернуться туда, откуда никогда не уходил. Возвращение возможно только после пройденного пути.

Помнить дом значит помнить, что ты странник, а не житель.

Это меняет отношение ко всему. К успеху — он настоящий, но не последний. К потере — она болезненная, но не окончательная. К телу — оно дорогое, но временное пристанище. К этой жизни — она полная и настоящая, но это еще не вся история. Дхармакая светится в страннике особенным светом того, кто не прирос к месту и потому видит яснее. Вакан Танка знает своих странников по именам даже когда они забыли своё имя на небесном языке.

Но вот парадокс, который душа несёт в себе всю дорогу: чем глубже она входит в мир форм, тем ближе оказывается от Источника. Изгнание не меряют расстоянием. Это особый угол близости. Тот, кто вернулся, знает дом иначе, чем тот, кто никогда не уходил.

Может быть, именно поэтому Аллах создал душу странствующей не чтобы она страдала от разлуки, а чтобы она открывала: разлуки нет. Есть только путь, который выглядит как разлука изнутри и как любовь снаружи.

Куда тебя тянет как домой?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 8. ИСКРА БОЖЕСТВЕННОГО ОГНЯ

В самой тёмной ночи есть свет. Внутри. Всегда.

Это онтология: описание того, как устроено существо, называемое человеком. В сердцевине каждого искра, которую не зажигали и никогда не погасят. Она была там до первого вдоха и останется после последнего. Пневма — дыхание, которое Бог вдохнул в глину, и глина стала живой. Нус — тот свет разума, который не является продуктом ума, а его источником. Руах Дух, который движется в тебе так же, как движется над водами: тихо, неостановимо, без объявления.

Искра не нуждается в твоём разрешении, чтобы гореть.

Она горит в страдании хотя страдание её не видит. Горит в замешательстве хотя замешательство её не чувствует. Горит в ночи отчаяния и именно тогда, в самой тёмной точке, иногда становится вдруг заметной: как в комнате, из которой убрали всё лишнее, вдруг виден свет в щели под дверью. Нур — свет в суфийском сердце не угасает от греха. Дхармакая не уходит из омрачённого ума. Шехина не покидает разрушенный храм.

Они все говорят одно: присутствие не прерывается.

Даже в самой плотной иллюзии отдельности искра горит. Даже когда человек убеждён, что он только тело, только имя, только история своих ошибок внутри этого убеждения, под ним, сквозь него горит то, что не является ни телом, ни именем, ни историей. Брахман не уходит из формы, которую Он принял. Вакан Танка не оставляет того, в кого Он вдохнул жизнь. Аллах не отзывает свет, которым Он осветил человеческое сердце.

Искра нуждается только в том, чтобы её заметили.

Вот парадокс, перед которым замирают: самое близкое — самое незамеченное. Ищешь Бога на небесах, в священных текстах, в далёких горах, а Он горит в точке, до которой ты не доходишь, потому что она внутри самого идущего. Логос обитает там, куда взгляд не проникает, потому что это и есть сам взгляд.

Погаси всё, что ты о себе знаешь. Убери имя, возраст, историю, тревогу, надежду. Что остаётся? Что горит там, в том, что осталось?

Вот оно.

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 9. МОСТ МЕЖДУ МИРАМИ

Человек: единственное существо, которое стоит одновременно в двух мирах, никогда не выбирая между ними, но являясь самым переходом.

Одна нога в земле. Адама из адамы, человек из праха, из глины, из того, что можно взять в ладонь и почувствовать тяжесть. Другая нога в небе. Нишмат хаим — дыхание жизни вдохнуто свыше, из того, чему нет веса и нет формы. Ни одна из ног не более настоящая, чем другая. Ни один из двух миров не более реален. Человек не разорван между ними: он и есть место, где они встречаются.

Мост не принадлежит ни одному берегу или реке. Он принадлежит переходу.

Через человека временное касается вечного в живом опыте: когда ты держишь умирающего за руку и чувствуешь, что Что-то в этом моменте больше смерти. Когда ребёнок смеётся и в этом смехе вдруг слышится Что-то из до времени. Когда красота пейзажа пробивает тебя насквозь и ты на секунду не знаешь, где кончается видимое и начинается невидимое. Обычная работа моста: пропускать через себя то, что иначе не могло бы встретиться.

Абсолют переживает Себя в двойственности через тебя.

Брахман входит в форму и смотрит на собственную бесформенность изнутри формы. Дхармакая светится в омрачённом уме и видит собственную ясность сквозь замешательство. Аллах Захир явный в каждой видимой вещи и Батин скрытый за ней: и эта двойственность есть пульс, который бьётся в каждом человеческом сердце. Вакан Танка дышит в существе из земли и неба одновременно и это существо называется человек.

Но быть мостом — это не только честь, но и нагрузка.

Нести в себе оба мира — значит чувствовать и боль временного, и тягу вечного. Не имея возможности выбрать одно и отказаться от другого. Тот, кто пытается стать только земным, теряет глубину. Тот, кто пытается стать только небесным, теряет корни. Мост держится, пока опирается на оба берега.

Твоё место не на одном из берегов. Твоё место посередине, над водой, где ветер сильнее и вид дальше.

Что сейчас тянет тебя вниз и что тянет вверх и можешь ли ты почувствовать, что именно это натяжение и держит тебя живым?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 10. СОЗНАНИЕ КАК СВИДЕТЕЛЬ

Внутри тебя есть тот, кто никогда не был взволнован. Ни разу — даже в самые тёмные ночи.

Он то, чем чувствуют, а не то, что чувствуется. Сакши: чистый свидетель не наблюдает твою жизнь издалека, с холодным безразличием. Он присутствует в самой сердцевине каждого переживания как небо присутствует в буре, не становясь бурей. Гнев проходит через него. Радость проходит через него. Страх, нежность, отчаяние, восторг — все они проходят, как облака проходят через небо. Небо не держит ни одного из них. И ни одно из них не держит небо.

Свидетель: глубина присутствия, которая превышает любое состояние.

Ум движется быстро, непредсказуемо, как река в паводок. Мысли сменяют друг друга, не спрашивая разрешения. Эмоции приходят волнами, каждая — убеждённая, что она последняя и окончательная правда. Но есть то, что замечает всё это движение и само не движется. Дхармакая смотрит сквозь помутнение ума, не смешиваясь с ним. Атман наблюдает игру майи, не теряя себя в ней. Это природа сознания как такового: оно всегда уже является свидетелем, даже когда ты этого не замечаешь.

Неподвижный центр вихря не там, где тихо. Он там, где тише всего.

Тайфун имеет глаз и в этом глазу абсолютный покой, пока вокруг разрушение. Так и в самом интенсивном переживании, если войти достаточно глубоко, обнаруживается то, что не затронуто. Не потому что оно хорошо защищено. А потому что оно другой природы, чем всё, что может быть затронуто.

Адонай говорит: остановитесь и познайте, что Я Бог. Не «достигните» — остановитесь. Не «заслужите» — познайте. Это приглашение к свидетелю: просто заметь то, что уже смотрит изнутри всего происходящего.

Вакан Танка: неподвижная точка, вокруг которой вращается колесо жизни. Дао — то, что не меняется, пока меняется всё. Они говорят об одном: есть основа, и она в тебе, а не где то там ещё.

Прямо сейчас посреди всего, что ты думаешь и чувствуешь есть то, что это замечает. То, что замечает мысль. Можешь ли ты хотя бы на миг почувствовать разницу?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 11. ТЕЛО КАК ХРАМ

Тело не препятствие на пути к Богу. Тело — путь, по которому идут.

Долго думали иначе. Говорили: плоть слаба, плоть греховна, плоть клетка, из которой душа стремится вырваться. Но посмотри внимательнее: кто дышит молитву? Кто преклоняет колени? Кто плачет от красоты? Кто чувствует прикосновение любви и узнаёт в нём Что-то большее, чем прикосновение? Всегда тело. Не вопреки духу: вместе с ним. Как инструмент, без которого музыка была бы только замыслом прекрасным, но неслышимым.

Пранаяма: дыхание как молитва. Простирание: земной поклон всем телом. Пост: тело, говорящее своей пустотой о чём-то большем, чем голод. Танец Вакан Танка: когда земля принимает шаги, а небо принимает руки. Везде тело не отстранено от священного. Оно его орган.

Нет ни одной традиции, которая на глубине своей презирала бы тело.

Логос стал плотью и это не снисхождение Абсолюта до презренной материи. Это признание: материя достойна. Плоть способна нести то, что больше плоти. Глина, из которой сделан человек, та же глина, из которой сделана земля. И Адонай назвал её хорошей прежде, чем вдохнул в неё жизнь. Не ставшей хорошей после одухотворения. Уже хорошей.

Тело — не тюрьма. Тело — первый храм, который ты получил без просьбы и без заслуги.

Каждый орган чувств — врата: глаза видят красоту, которая указывает дальше себя. Уши слышат музыку, в которой Что-то большее, чем звук. Руки касаются и в касании иногда происходит то, что словами не передать. Кожа чувствует холод утра и тепло солнца и это тоже дар, и этот дар тоже священен. Уважение к телу не культ тела. Это признание, что Вакан Танка жил здесь и живёт, что Дхармакая светится здесь, что Аллах вдохнул именно сюда, в эти ноздри, в эту грудь.

Твой.

Вот парадокс, который тело знает лучше, чем ум: именно через ограниченность прикосновение, вкус, усталость, исцеление Абсолют переживает Себя в измерении, недоступном бесплотному. Тело — не препятствие для встречи. Оно место встречи.

Когда ты последний раз был благодарен своему телу не за то, как оно выглядит, а за то, что оно есть?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 12. ЭГО КАК ЗАВЕСА

Эго — самая преданная из всех иллюзий: служила тебе так долго, что ты забыл, что она иллюзия.

Ахамкара делатель, тот, кто говорит «я сделал», «я хочу», «я боюсь», «я есть вот это и не то». Без него невозможен индивидуальный опыт: без этого «я» некому было бы учиться, любить, выбирать, страдать, расти. Нафс в своей необработанной форме та же сила: животворящая, настойчивая, необходимая для того, чтобы вообще двигаться по жизни. Эго — временная форма, которую Абсолют надевает, чтобы пережить опыт отдельности. Сценический костюм, в который актёр уходит так глубоко, что забывает себя и это и есть лучшая игра.

Но костюм не актёр.

Когда эго принимается за последнюю реальность, начинается особый вид страдания — от ощущения, что ты ограничен этой историей о себе, этими границами, этим именем, этим страхом. Как если бы река решила, что она только берега, и забыла, что она вода. Берега существуют. Но они не главное, что здесь происходит.

Растворение эго — это расширение.

Нафс мутмаинна — умиротворённая душа, прошедшая через себя и вышедшая шире. Преображённая. Фана: растворение в Аллахе не означает, что человек исчезает. Он обнаруживает: то, чем он считал себя, было слишком мало. Его настоящий размер больше. Много больше. Бесконечно больше. Как Руми говорит тростнику: твоя тоска — не беда. Твоя тоска — твой путь обратно к полю, в котором тебя срезали.

Вот что трудно принять уму, который держится за себя: расширение возможно только через отпускание. Кулак, сжатый вокруг воды, теряет воду. Открытая ладонь воду держит.

Дхармакая не требует, чтобы ты уничтожил себя. Она приглашает тебя вспомнить, что ты больше, чем думал. Брахман не отменяет форму — Он показывает, что за формой нет края. Вакан Танка не растворяет личность — Он разворачивает её до горизонта, который совпадает с небом.

Эго — завеса потому что оно часть, принятая за целое, — потому оно и заслоняет целое.

Что осталось бы от тебя, если убрать всё, чем ты себя называешь и было ли это Что-то больше или меньше того, кем ты себя считаешь?

Аминь. Амин. Ом Шанти. Да будет так.

ГЛАВА 13. ЦЕНТР

Всё, что ты искал, находится там, где ты это не искал. В груди. Левее центра. Там, где бьётся-бьется, да никак не вырвется.

Ум — прекрасный инструмент. Анализирует, различает, строит, называет. Но он не центр, а слуга центра, который часто забывает, что является слугой, и начинает думать, что он господин. Хридайя — сердечная пещера в самой сердцевине существа — орган, перекачивающий кровь? Или пространство, в котором Атман обитает как пламя в светильнике: тихо, устойчиво, не требуя внимания, но освещающая всё? Калб — сердце в арабском от слова «переворачивать»: оно переворачивается к Богу и обратно, живое, ищущее, никогда не успокаивающееся на малом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.